

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

УДК 821.512.31

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-1-2-3-11

О РОЛИ ДЕБЮТА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПИСАТЕЛЯ

(из опыта создания литературных биографий бурятских писателей)

© *Имхелова Светлана Степановна*

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Бурятский государственный университет
Россия, 67000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: 223015@mail.ru

В статье анализируются дебютные произведения трех известных бурятских писателей — Б. Дугарова, Г. Башкуева, А. Мухраева. Этот материал дает возможность исследователю рассмотреть фундамент, на котором затем будет зиждаться процесс становления их творческой судьбы. К тому же, часто именно первые произведения служили для писателей пропуском к статусу члена Союза писателей СССР/России, позволяли им участвовать и побеждать в различных литературных конкурсах. Рассматриваются рассказы «По облепиху» Г. Башкуева, «Сторожиха» А. Мухраева, стихи первого лирического сборника Б. Дугарова «Золотое седло». Сама сложность создания научной биографии, учитывающая колебания в оценках многих явлений в национальной художественной культуре, диктует необходимость пристального внимания к первым шагам художника, роли начальной поры в его формировании. Учет роли дебютных произведений позволяет выйти к вопросам о значении родословной в становлении бурятского писателя, роли журналистского опыта, о причудливой связи биографии и вымысла, наконец, о намечающихся тенденциях литературного развития 1970–1980-х гг.

Ключевые слова: биография бурятского писателя; дебютное произведение; опыт журналиста; импульс к творчеству.

Создание биографии писателя остается важной и актуальной задачей современной историко-литературной науки. Начиная с 1990-х гг., за немногими исключениями, научные публикации, посвященные биографиям бурятских писателей, сводятся к статьям мемуарного характера в периодической печати и материалам справочно-биографического характера в учебных изданиях. Отдельные исследования, посвященные детальному историко-литературному рассмотрению биографий писателей, практически не предпринимались. В этом убедились составители трехтомной «Антологии литературы Бурятии XX — начала XXI в.» (2010–2011), готовя в конце каждого из трех томов краткие справки о писателях и их публикуемых произведениях [1].

Одна из причин редкого обращения литературоведов к научным биографиям заключается в их особой трудоемкости, поскольку научно-биографические работы требуют многолетних усилий. Жанр, в котором написаны прежние и новые работы ученых и литературных критиков республики, можно отнести к литературному портрету с элементами научной биографии. Именно этот тип писательских биографий представлен в учебном пособии «Писатели Бурятии XX–XXI веков (2008)» [2], учитывается в сборнике, подготовленном под редакцией В. Ц. Найдакова [3]. В коллективной монографии, изданной преподавателями

Бурятского государственного университета [4], жанр литературного портрета предстает в синтезе с научной биографией творца, что и составляет, на их взгляд, понятие литературной биографии.

На примере биографии современного писателя видна необходимость опереться на «живые» источники: интервью, воспоминания деятелей литературного процесса XX в., материалы эпистолярного характера, дневниковые записи, другие способы получения информации, уже разработанные в современной литературной науке о жизни и деятельности писателей. Именно в таких источниках можно найти немало сведений и представлений современников, запечатлевших человеческую и творческую притягательность писательского облика, они не менее важны, чем архивные материалы, для дальнейшего исследования жизни и творчества писателей.

Разумеется, главным подспорьем для создателя литературной биографии становятся созданные творения писателя. И здесь для биографа представляют интерес именно дебютные произведения, которые дают возможность не просто говорить о появлении нового имени, — дело в том, что именно в первом произведении никому еще неизвестный писатель представит свой будущий потенциал, главную тему, особенности мировидения. Любопытно увидеть, как сегодняшние именитые мастера своим первым выходом «на сцену» литературного процесса доказывали, что они с этого времени займут определяющее место в сложившейся писательской иерархии, завоевав внимание читателей.

Первый рассказ Андрея Мухраева (род. в 1963 г.) был опубликован в 1987 г. в газете «Молодежь Бурятии», с которой впоследствии будет связана его долгая журналистская деятельность. Рассказ назывался «Сторожиха». «Я написал его под впечатлением рассказов моих родственников о женщине, которая во время войны брала из хранилища зерно, и это спасло от голодной смерти ее детей. В рассказе ставился вопрос о нарушении закона ради спасения жизни, о законе совести. Правда, я это сейчас так умно все объясняю, а тогда просто написал рассказ... После публикации обо мне узнали в творческих кругах. В “Правде Бурятии” написали, что рассказ очень спорный, а молодой автор мрачно смотрит на нашу историю и так далее. Но и эта критическая статья только повысила интерес ко мне как к автору» [5]. Затем в «Молодежке» были напечатаны его подборки стихов, отрывок из рассказа «Кукла», рассказ «Большая шутка». Но именно благодаря рассказу «Сторожиха» автор поступит на Высшие литературные курсы, подаст на членство в Союз писателей России.

Мнение критика о мрачном отношении автора к изображенным в его первом рассказе событиях сегодня, по прошествии 25 лет, вряд ли покажется неверным. Удивителен и для сегодняшнего читателя (а его вряд ли можно чем-то удивить) будет выбор начинающим прозаиком сюжета из трагических военных лет. И обязательно возьмут за душу выведенные образы женщин — русской учительницы и бурятки — матери пятерых детей, национальность которых и не очень-то важна. Зато важна недвусмысленность авторской позиции: ценность семенного зерна для будущего урожая не идет ни в какое сравнение со сверхценностью жизней умирающих детей, т.е. самого Будущего. В финале повествователь пишет о женщине, которую судили за то, что в нарушение закона сурового времени, несмотря на страх за собственную жизнь, она давала не одной голодающей семье по мешочку семенного зерна: что с ней стало — никто так и не узнает. Дети фронтовика благодаря этому зерну выживут, а их мать не будет винить себя, гля-

дя в глаза вернувшемуся с войны мужа. Пусть бросается в глаза неловкость в таком постоянном именовании героинь: «сторожиха» и «гостья», но в них заложена субъективность взгляда деревенских жителей: для них учительница, теперь охраняющая склад с зерном, потому что из-за голода дети не ходят в школу, — сторожиха, а для нее все, кто ищет в ее доме сочувствия и жалости, — неожиданные гости. Повествование в рассказе наполнено этой субъективностью (плач матери, потерявшей ребенка, «наполнил весь дом, казалось, что даже вьюга за окном притихла, прислушиваясь к этому вою»), потому что нет прямоты, тенденциозности вывода. В этом уходе от указующего перста, от тщательно разжеванной авторской идеи и заключалось главное достоинство рассказа, и воздействие на читателя осуществлялось по-чеховски очень сильно.

Таким был дебют Мухраева. И его можно по праву назвать настоящим литературным дебютом, который можно сравнить с приходом в литературу любого из известных бурятских писателей. Да, конечно, «Сторожиха» Мухраева не роман, а небольшой рассказ, занявший лишь одну газетную полосу, но уже в нем видна была высота нравственного взгляда, которая и была способна передать душу сурового времени, когда прошлое оценивается судом будущего.

Журналистская работа многим начинающим писателям приносит удовлетворение, поскольку дает возможность соединить производственную необходимость с личным интересом — творчеством. А личный интерес для другого известного писателя — Геннадия Башкуева был амбициозным: создавать не только настоящую публицистическую, но и художественную прозу. В его первых прозаических произведениях понадобился художественный вымысел, помноженный на биографический материал.

Геннадий Башкуев (род. в 1954 г.) — писатель, пришедший в прозу и драматургию из журналистики, оказавшийся способным журналистское «знание жизни» превратить в факт искусства. На это указывает его писательский дебют. Начиная с первого рассказа «По облепиху», как подтвердится и позже, единство реального, биографического факта и причудливого вымысла, публицистического чувства и его художественного воплощения будет питать творчество Башкуева. Позже в одном из интервью он пытался объяснить природу своего открывшегося дара: зорким взглядом суметь окружающий мир — мир героя и автора — оценить как двоимирие. И это вывихнутый, странный мир, когда такие трудяги, как герой рассказа «По облепиху», обречены на гонения и бунтарство. Герой Башкуева принимает условия этого мира, пытается жить по его законам и одновременно протестует против них.

О такой двойной жизни героя своего рассказа Башкуев поведал в нашей беседе: «Мое отношение к главному герою амбивалентное, он плохой и хороший в одном лице. Сам я себя ощущаю двойственным: формально я живу “в комсомоле”, а на “кухне” остаюсь антикоммунистом. Герой моего рассказа — Дед, человек советских реалий, и в силу своего социального статуса он не мог выразить красиво то, что он чувствовал, о чем думал, но мог выразить это в своих поступках. Мое отношение к нему не может быть отрицательным, меня привлекает в нем то, что он не желает жить в системе, мне симпатичен его безмолвный протест» (из интервью 2015 г.). И в следующих произведениях писателя также глубоко выразится личное авторское чувство сожаления от того, что частная жизнь отдельного человека оказывается под давлением всего социального, государственного, в окружении мира неудобного, неудобного для нормального чело-

веческого существования. Таким высоким замыслом и смыслом был отмечен дебют Башкуева в прозе.

Интересно, что рассказ «По облепиху», написанный в начале 1980-х гг., отказались публиковать в журнале «Байкал», потому что «в советском обществе есть тунеядцы, но никак не в роли главных героев» [6, с. 57]. Рассказ напечатала районная газета «Вперед», автор получил гонорар и практически забыл о своем произведении. Но спустя 30 с лишним лет, обнаружив его на газетных полосах, он решил «из принципа» опубликовать когда-то отвергнутый рассказ именно в журнале «Байкал». А у специалистов появилась возможность рассмотреть в нем нечто любопытное — задатки и потенции будущего прозаика, автора повестей «Пропавший» и «Записки пожилого мальчика». Задатки эти оказались очень весомыми даже с высоты 2014 г.

В одной из наших бесед Башкуев рассказал о том, как «родился» и сформировался замысел рассказа «По облепиху». Это было глухое время, жизнь катилась едва ли не под откос: вызвали в КГБ, нигде не работал, от депрессии и тоски спасала только выпивка в компании друзей. Путь в республиканские издания был закрыт, и будущий писатель стал работать в районных газетах — Улан-Удэнского сельского района, в Заиграево. Тогда и был оформлен первый законченный опыт в прозе — рассказ «По облепиху». «Многое в этом рассказе является частью моей жизни. 80-е годы — время, когда я ушел из газеты, находился на распутье, ничем конкретным я не занимался, встречался с друзьями, выпивал. В один момент у нас закончились деньги, и мы решили ехать по облепиху в Селенгинский район, в совхоз «Облепиховый», там жили родственники одного из собутыльников. Для того чтобы легче собирать облепиху, мы соорудили специальное приспособление “шмыгалки”, облепиха была неспелая, поэтому мои друзья решили ломать ветки и так собирать ягоду, я был против, но делать было нечего. Собрав ведро облепихи, мы пошли назад, и нас заметил охранник, от которого нам пришлось убежать. Все обошлось, мы приехали в город, бездарно продали ягоду, выпили и денег снова не стало. Тогда я решил написать о своем приключении рассказ, который так и назвал — “По облепиху”» (из интервью 2014 г.).

Уже в первом рассказе начинающего литератора виден серьезный разговор с читателем, обнаруживается его индивидуальный стиль, намечается даже его эстетическое кредо. Думается, все это обеспечивается умелой повествовательной техникой, которая кажется очень современной и сегодня. В рассказе, конечно, есть реальное сходство с «приключением» из жизни автора — главный герой с городскими друзьями убегают от охраны совхоза «Облепиховый» с собранной/украденной ягодой, но художественный вымысел придает этому биографическому эпизоду глубину и значимость авторского замысла. Делается это за счет отсутствия стороннего повествователя, он оказался ненужным, так как все события даны с точки зрения героя. По существу, повествование — это сплошной внутренний монолог главного героя. Удивительно, что автор освоил уже в начале писательской карьеры сложную и глубоко современную на сегодняшний день повествовательную форму.

Николая, героя рассказа, все зовут Дедом, хотя ему еще нет сорока лет. Собирая ягоду незаконным путем, скрываясь от охраны, он вспоминает о прошлом. Все его детство прошло в деревне, возле совхозной облепихи, когда учился в школе, тайно промышлял на плантации и продавал ягоду на перроне, а все ради того, чтобы купить конфеты девочке, которую звали Ая. Но она его совсем не

замечала, и Коля не сдавался и украдкой оставлял конфеты в ее парте, а после уроков провожал до дома в отдалении от нее как гордый телохранитель и каждый раз говорил самому себе: «Я буду сильным мужиком, как отец, скоплю денег, куплю ей уйму платьев, туфли лодочки-шпильки, как в кино, себе — шикарный костюм» [6, с. 62]. После выпускного у Аи (сам Николай уже два года как бросил школу) он «на одном дыхании выпалил свою многострадальную молитву» и, добившись благосклонности Аи, поклялся, что никогда ее не бросит.

И теперь сбор облепихи напомнил Деду его юношескую любовь: «Ему захотелось побыть одному, а может, изголодался по ягоде юности... Пробуя гроздья, вспоминал девичьи лица, привидевшиеся в зелени раздвигаемых ветвей. Только вот забылись, спутались те слова, те имена... И лишь одно — чистое и легкое, как дыхание...» [6, с. 61]. Его приезд в деревню стал сплошной пыткой от осознания, что прошлого не вернуть: уход в армию, письмо от Аи, из которого он узнал, что стал отцом. После армии он уехал в город за лучшей жизнью и навсегда потерял Аю с сыном. Вспомнилась ему одна из зимних ночей, после которой его жизнь разделилась на «до» и «после»: его засек наряд охраны, он бежал, увязая в снегу, упал, и длинный облепиховый шип задел его глаз. «Славно пометила горькая ягода!». Когда-то узнав, что Ая вышла замуж, он заставил себя забыть прошлое. А теперь воспоминания, став настоящей пыткой для Николая, не отпускают: ведь из-за нее, облепихи, он не только лишился глаза, но и потерял самых дорогих его сердцу людей. Герой снова, как в детстве, бежит с друзьями от погони, но не бежит от воспоминаний — они как «ночные выстрелы из ракетницы, — неблагоприятная вещь» [6, с. 59]. Они, воспоминания, становятся ценной вещью — исповедью души, мужественным приятием мучительной работы памяти.

На герою и его исповеди лежит отпечаток личности автора, потому что, как он сам признавался, «отчасти, я считаю его своим alter ego». Да, на первый взгляд, это рассказ о неудавшейся любви, о цене, которую заплатил герой за свое незаконное предприятие — изготовление дефицитного облепихового масла, и вряд ли он является полностью автобиографическим (как заметил Г. Башкуев в нашей беседе-интервью 2015 г., «в моих произведениях только 15% из сюжета и фабулы является реальностью, все остальное — вымысел»). На самом деле в рассказе отчетливо слышится личная авторская боль за героя-работягу, подавленного окружающей жизнью, обстоятельствами, но гордого осознанием своего полезного существования: «Я людям здоровье дарю... Увечным, обожженным, язвенникам и прочим... им нужно чудо... А где его взять?.. Что по сравнению с ним деньги! Бумажки...» [6, с. 67]. За этой болью слышится авторская мысль, которая, не закрывая «автобиографизма», выводит к художественному обобщению: время, когда людям трудно было заработать на жизнь честным трудом, когда слово «бизнес» звучало только в иностранных книжках и фильмах, — это время вынуждает человека жить как бы в двойном измерении: вина, стыд за собственное изгойство, «лишность», невозможность вписаться в сложившийся социальный распорядок — и внутренний протест против некоей чужой воли, обманувшей, приговорившей к непосильному испытанию.

Журналистская работа много значила для созревания личности, для дальнейшего творчества Башкуева, несмотря на то, что, как и все писатели, вынужденно отдающие силы газетной работе, он ощущал ее нежелательное воздействие на творчество: «Журналист — он попадает в жернова времени и текучки,

которые вертят его как белку в колесе. И, может быть, хорошо, что я вовремя ушел из журналистики. Привычка писать газетным стилем отражается на стихах... Писательское письмо должно быть свободным от трафаретов и формата!» (интервью 2012 г.).

Период журналистской работы имел свое значение и для внутреннего развития поэта Баира Дугарова (род. в 1947 г.). После окончания Иркутского университета «свежеиспеченный» журналист объездил всю Бурятию, все районы, привезенные статьи и особенно зарисовки, очерки получали одобрительные отзывы признанных мэтров от журналистики (среди них были П. Натаев, Т. Башкуев, С. Бухаев и др.). Впечатления от командировок отпечатывались в памяти, чтобы затем превратиться в стихи.

Влекла романтика дорог,
и я свой край корреспондентом,
с попутным подружившись ветром,
объездил вдоль и поперек.

И прикасался я пером
к людским неспростным заботам.
Спускался в штольни с горячком
и кочевал с оленеводом.

И ночевал у чабана;
там до рассвета над кошарой
светила полная луна
невключенной фарой.

А мне писалось нелегко,
но все же радостно писалось.
И то, что в прозу не легло,
потом стихами отзывалось [7, с. 7–8].

Дебютная книжка стихов Б. Дугарова под названием «Золотое седло» вышла в знаменитой в то время иркутской серии «Бригада». Опубликоваться в ней было делом престижным. Стихи Дугарова выдержали жесткий отбор, и его соседями по выпуску стали авторы, которые в будущем вышли на всероссийскую поэтическую стезю. Лучшие стихотворения сборника свидетельствовали о несомненном таланте поэта-дебютанта и уже заявляли о его стремлении возвыситься до понимания своих исторических истоков в противовес насаждаемому идеологическому диктату тех времен. Такого духовного «манифеста» в национальных литературах СССР не наблюдалось. Даже Олжас Сулейменов, несмотря на свою шумевшую книгу «АЗ и Я», в стихах своих оставался весьма советским поэтом. Не зря сказано, что «большое видится на расстоянии». И теперь, спустя десятилетия, очевидно, что Великая степь обрела в Дугарове своего Поэта уже с самых его ранних стихов.

Разве эти вечерние дали
чингсхановых орд не видали?

Разве эти колючие ели
на степные дворцы не глядели?

Разве здесь не пылали костры
караванов цветной Бухары?

Разве здесь не бывало красавиц,
что из пены байкальской рождались?

Знать хочу я все давние были,
о которых и старцы забыли.

Мой исток — из глубы столетий.
Потому-то на белом свете

интересно мне нынче жить —
прах минувших времен ворошить [8, с. 19].

Многие темы зрелой лирики уже проявились в этом первом сборнике, и хотя общая их интонация — светлая, оптимистичная, но уже намечается настроение, которое станет преобладающим в следующих лирических книгах. Так, в сборнике нашли отражение отголоски внутренней драмы в душе лирического героя как отпечаток некоего разлада в мироощущении автора, который затем станет импульсом создания множества лирических книг, о чем писал вдумчивый критик, профессионально откликнувшийся на первые стихи Дугарова в авторитетном журнале [9]. Еще один критик позднее заметит другую особенность, проявившуюся в дебютном сборнике: в звучании русского классического письма поэта видятся созерцательная утонченность восточного мировосприятия и сплав разных культур Востока и Запада [10, с. 4]. На наш взгляд, и внутренняя драма, и евразийский синтез, намеченные в первом лирическом сборнике Дугарова, окажутся благотворным импульсом к творчеству, свидетельством неубывающего поиска собственного пути. Следующие его лирические книги будут наполнены таким чувством тоски, «неотвратимой» и «необъяснимой», которое и впишет их в контекст русской поэзии, всегда устремленной от несовершенства земной жизни к жизни вечной, трансцендентной, что, несомненно, знакомо и поэзии Востока.

Очень важны были крепкие узы молодых писателей с их родословной, с обостренным отношением к личности отца, которые значительным образом влияли на формирование трех дебютантов. Гордость за отца — участника Великой Отечественной войны, награжденного орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», станет тем моральным капиталом, который будет поддерживать в перипетиях жизни Г. Башкуева. Отец А. Мухраева в 1942 г. в 16-летнем возрасте добровольно ушел в армию (а призывали только с 17 лет), служил на Дальнем Востоке, в 1945 г. участвовал в войне с Японией. Сын выбрал в начале своего жизненного пути профессию отца-инженера, и это было вполне осознанное решение, так был велик авторитет отца. Для Б. Дугарова строгое отношение отца к его творчеству имело огромный вес, и родина отца, местность,

где родился отец и появился на свет он сам, имела определяющее значение для всех последующих лет творческой работы: «Хужир, / в тебе вместился целый мир / легенд старинных и сказаний. / Вершины светлые мои, / здесь коновязь моей души / и тайна моего призванья» [11, с. 408].

Наконец, общим для дебютов трех писателей стало то немаловажное обстоятельство, что они пополнили особый отряд бурятской литературы, который составляют двуязычные или русскоязычные писатели. Биография бурятского писателя, пишущего на русском языке, предполагает изучение феномена транскультуры — явления, которое рождено в том числе и биографическими факторами, вызвавшими у писателя желание «столкнуть» и «соединить» в себе и сознании читателя различные национальные традиции. Для биографа русскоязычного национального писателя интересна сама необходимость объяснения данного культурного феномена, рожденного процессом раздвижения этнических, языковых границ между различными культурами. Первые произведения трех писателей дают серьезные основания для решения данной задачи.

При всей сложности создания научной биографии, имеющихся колебаниях в оценках многих явлений в национальной художественной культуре внимание к первым шагам художника, роли начальной поры в развитии художника позволяет его биографу не только оценить все созданное им, затронуть влияние родословной, роли журналистского опыта, причудливую связь биографии и вымысла, но и выйти к ведущим тенденциям литературного развития.

Литература

1. Антология литературы Бурятии XX — начала XXI в.: в 3 т. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010–2011.
2. Писатели Бурятии XX–XXI веков: эксперимент. учеб. пособие. — Улан-Удэ, 2008. — 224 с.
3. Портреты писателей Бурятии. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 147 с.
4. Писатели Бурятии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Башкеева, С. С. Имхелова). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017 (в 12 кн.).
5. Мухраев А. «Быть поэтом — огромное счастье» / зап. С. Дондокова // Бурятия. — 2013. — № 55. — С. 5.
6. Башкуев Г. По облепиху. Рассказ // Байкал. — 2014. — № 3. — С. 57–68.
7. Дугаров Б. Золотое седло. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. — 23 с. (Первая книга поэта).
8. Дугаров Б. Небосклон. Стихотворения. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. — 144 с.
9. Бальбуров Э. Испытание на зрелость // Литературное обозрение. — 1981. — № 5. — С. 75–76.
10. Бараева О. «В просторах слова и земли...» // Дугаров Б. Звезда кочевника. Стихотворения. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — С. 3–5.
11. Дугаров Б. Сутра мгновений. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. — 440 с.

ON ROLE OF DEBUT IN WRITER'S CREATIVE DESTINY
(from the experience of creating the first literary biographies of Buryat writers)

Svetlana S. Imkhelova

Dr. Sci. (Phil.), Prof., Department of Russian and Foreign Literature,
Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: 223015@mail.ru

The article emphasizes the role of the first work in the writer's biography on the material of the debut works of three famous Buryat writers — B. Dugarov, G. Bashkuev, A. Mukhraev. Close attention to their debuts allows the researcher to review the foundation of the subsequent process of writer's personality building up. In addition, the first works often served as a writers' pass to the status of a member of the USSR / Russia Writers' Union, and allowed them to participate and win in various literary contests. The stories "For Sea-buckthorn Berries" by G. Bashkuyev, "The Watchman" by A. Mukhraev and verses from the first collection of lyric by B. Dugarov "The Golden Saddle" are analyzed. The very complexity of creating a scientific biography, which takes into account fluctuations in the assessments of many phenomena in the national artistic culture, dictates the need for close attention to the artist's first steps. In addition, reviewing the debut works allows to get to the questions about the role of ancestry in the writer's formation, about the significance of journalistic experience, about the bizarre connection between biography and fiction, and finally about the emerging trends in the literary development of the 1970s–1980s.

Keywords: writer's biography; debut work; journalistic experience; importance of artist's ancestry; impetus to creativity.